

*Внуков,
чей путь ещё даже не начат,
незаменимые бабушки нянчат.*

**Р. Рождественский.
О незаменимых**

86

Вы никогда не задумывались над тем, с какого возраста стали осознавать себя? Я пыталась припомнить и поначалу не смогла. Но зато потом ко мне стали приходиться зыбкие воспоминания – не чётко нарисованные картинки, а как бы еле уловимый след, непроявленные ощущения или даже только их тень. То мнилось, что я лежу в коляске, завёрнута, как куколка бабочки, и колясочная крыша надо мной закрывает полнеба. Коляску баюкает всеильная ласковая рука, а погремушки, нанизанные на резинку, тихо потренькивают в такт покачивания. В воздухе – столпотворение острых мартовских ароматов. Временами солнышко припекает сильнее, и мне становится невыносимо жарко. Я начинаю сопротивляться произволу рабских пут, ворочаюсь, недовольно кряхтя. Но не реву во весь голос, прекрасно понимая, что тогда прогулке конец. Мне удаётся ослабить давление пеленальной неволи, становится чуть прохладнее и я блаженно засыпаю, глodyя пустышку, что успокаивает и даёт обманное ощущение насыщения.

То вспыхивает вдруг в памяти дорога в общественную баню. Бабушка везёт меня на санках по грязному, комковатому, спрессованному снегу

меж деревянных домов частного сектора. Баня – это вообще особенный мир. Сначала нужно смиренно сидеть в тёмном предбаннике в очереди. Мужчины заходят в одну дверь, а женщины в другую. Я не понимаю, зачем им разлучаться. Из приоткрытой двери валит пар, наполняя морозный воздух предбанника смесью из запахов мыла, хлорки, распаренных берёзовых веников. Зайдя в заветную дверь, следует отдать копейки старушке, похожей на крысёнка. Из раздевалки с множеством кабинок, как в детсаде, в котором работала моя бабуля, должно, взяв серые страшные тазы, проходить в помывочную, и только оттуда можно попасть в парную – суший ад. Мы не брали общественные тазы, а ходили со своими, большими эмалированными. Прежде чем налить воду для мытья, бабушка всегда ополаскивала тазики горячей водой.

Для меня было предназначено всё только самое-самое красивое: новенький оранжевый тазик – мне, а бабуле простенький с отбитым краем. Моё полотенце розовое, пушистое и такое огромное, что можно с головой завернуться, а бабулино – обычное вафельное. Спала я исключительно на крахмальных кипенно-белых простынях. Пододеяльники приметные: вдоль всего полотна вывязанные крючком кружевные полосы. Бабушка гордилась своим бельём: «У Фёдорихи простынки-то – застиранные, а наши глянешь – слепит, аж глазам больно!».

Я лишь теперь стала задумываться, каким немощным трудом достигалась эта красота. Ледяную воду возить надо было из колонки. Выварку с бельём кипятили на русской печке. Помню, как маленькая, худенькая бабуля поднимала тяжёлую бочкообразную выварку на высокую печь в три этапа. Сначала поставит на маленький стульчик, затем на большой. Потом рывок штангиста – и последняя высота: печь, на открытую «комфорку», на голый огонь. Сколько же «люминевых» детских ванночек воды необходимо было сменить, чтобы выполоскать настирганное хозяйственное мыло и персоль да прокрахмалить неподъёмные мокрые пододеяльники.

В процессе задействованы первобытные орудия труда: ребристая доска, на которой, как на тёрке, натирают мокрые простыни, и две палки. Маленькая – весло для того, чтобы «шурудить» кипящую бельевую гущу. Длинная – мачта, что служит опорой для поддержки отягощённой пудовыми тканями верёвки.

Сушилось бельё обязательно на улице. Никакие свирепые сибирские морозы с ледяным ветром не могли воспрепятствовать моей героической Золушке вывесить белоснежные паруса. Помню красные, обожжённые морозом, маленькие натруженные ручки, что заносят застывшие на холоде полотна, которые в контрасте с невысоким бабушкиным ростом кажутся огромными. Улыбающееся круглое, словно детское, личико, осиянное васильковым счастливым светом. И запах свежего огурца и сладкого дыма от замороженной ткани, что врывается в натопленную кухню вместе с уличными холодными клубами.

– В горячей-то водичке состирнуть – это ж РАЙ! – не раз впоследствии говорила мне бабушка, укоряя за устойчивую нелюбовь к постирушкам.

На что мы с сестрой подтрунивали в ответ:

– Бабуль, у тебя какое хобби? Половички стирать?

– Э-эх, вас бы в моё детство. Мыла вообще не было, стирали золой. Полоскали в проруби. Руки, бывалча, от ледяной воды аж заломит.

Самой большой радостью в детстве было для нас с сестрёнкой засыпать вместе с бабушкой. Удивительное, сладостное состояние покоя, защищённости и изливающейся абсолютной доброты, никогда более во взрослой жизни недостижимое. Хотя «засыпали» мы очень плохо, а больше хохотали, пока растревоженный шумом и обделённый вниманием дедушка не начинал

из своей маленькой комнатки призывать нас к тишине. Смеялись как сумасшедшие над незатейливой бабушкиной сказкой про умного козла или над тем, как она начинала изображать сварливых соседок, а больше всего любили, затаив дыхание, слушать воспоминания из детства «про деревню».

Лишь со временем начинаю осознавать, да что она вообще могла помнить из своего детства? Ведь увезла её мама из родного села в девятилетнем возрасте. Раскулаченная вдова с шестью детьми бежала от ссылки в город. Да скоро и сгорела там от воспаления лёгких на казённой больничной койке. Моя бабушка была самая младшая в семье. Старшие братья пошли работать в депо, девочек отдали «в няньки», так назывался особый вид прислуги, более похожий на крепостное право.

Вспоминала бабушка свою Воскресенку, словно была это не послереволюционная деревня, а благодатный Эдем на земле, где светится волшебным жемчужным светом белоствольная берёзовая роща, шумит бескрайнее ржаное море, перекатывая спелые волны, а на пригорке стоит маленькая церквушка в голубой шапочке, как девочка в ожидании припоздавших подруг.

Моя нежная, трепетная бабушка производила такое впечатление, словно не коснулась её судьбы ни обжигающая война, ни разорённое сиротское детство, ни тяжкая работа до самого конца.

Я смотрела на неё с сердцем, наполненным любовью, и казалась она мне Золушкой из доброй сказки. «Уходящая натура» – говорят про таких людей современные режиссёры, действительно... и даже не уходящая, а уже почти ушедшая, оставшаяся лишь в воспоминаниях. Да и не поймёт и не поверит нынешнее компьютерное поколение, что жили на земле люди ангельской природы, которые не отвечали злом на зло, умели прощать и делать добро просто – без надежды на воздаяния, а потому, что так Бог велит.

*Я ещё не волшебник. Я только учусь.
Кинофильм «Золушка» (1947)*

Помню, лет в пять я очень боялась, что в один ужасный момент бабушка может внезапно умереть. Это очень странно, потому что одновременно я помнила, нет, точно знала, что на самом деле смерти нет вовсе. Откуда-то из дожизненных пределов осталось во мне уверенное знание о бессмертии, о невозможности безыс-

ходного конца души. Бесконечность висела надо мной, дыша холодом в детский затылок.

Порой мне слышалась Вселенская музыка – многомиллионный сонм космических хоров, поющих в унисон непрерывный вокализ, уходящий гулом в запредельность бытия. Вот только глупые взрослые тратили время на ненужную суету, разговоры и ругань, вместо того чтобы слушать магическую музыку сфер. Взрослые, такие большие и могущественные, всегда заняты серьёзными разговорами, подсчётами, делами, которые вершат с неприступными строгими лицами. Но великие свершения эти на самом деле оказываются пустыми хлопотами: бельё гладят, а после первой же носки оно снова мнётся, бабушка стирает простыни до красных пятнышек на костяшках, а они вновь мараются. И вот никак не делается что-то самое важное, что главнее всего на свете. Только вот что?

Бабушка явно отличалась от слепой и глухой армии взрослых. Она наверняка скрывала, что тоже слышит, слышит на самом деле этот ангельский хор в вышине, только выдавать ей себя нельзя. Это ж – тайна.

– Бабушка, слышишь? Поют!

– Спи, доча, приснилось тебе. Спи.

– Ты что, правда не слышишь? Поют же!

– Да-да, слышу. Провода гудят от мороза.

В самом дальнем углу, под потолком, на невидимом в крошечной тьме шкафу сидит кошка Мома, что умеет жить сразу в нескольких измерениях. Она – волшебница, сторожит границу миров, законы земных пределов. Мома не сводит с меня звёздных глаз, чутко следя, чтобы не увлекла дитяню запредельная музыка, чтобы не материализовались детские сны, впечатанные в незамутнённую память, чтобы не рассказало неразумное чадо о принесённых из высших слоёв знаниях, чтобы не поверили люди детскому лепету.

– Бабушка, смотри, там ЭТО сидит! Глазищи уставило!

– Да где ж?

– Во-он там. Оно не в комнате, а между нашей комнатой и той, другой, сидит. Есть ещё одна, другая, невидимая комната. И оно может и туда ходить, и к нам возвращаться.

– Да что ты, доча, это Момка на шкаф залезла. Сейчас прогоню её, чтоб спать не мешала. Брысь! Ну-ка...

Мома – комок голубого пуха, мягкого, как дым костров из пожухлой листвы, что разжигает дедушка, колдуя на приусадебном участке. Она

бесшумно прыгает сначала на пузатый комод, потом на прохладный пол из широких половиц и, нехотя, с достоинством покидая спальню, без отрыва глядит на меня всепроникающим долгим взглядом: «Я слежу за тобой, дитя. Смотри не выдавай тайны!..».

*Жалко, королевство маловато,
разгуляться мне негде!*

Кинофильм «Золушка»

Обстановка в доме, сам дом и все надворные постройки сделаны дедушкой собственноручно. Поверить в это трудно даже сейчас. Как человек без специального образования, движимый лишь талантом и безграничной любовью к семье, мог создать всё это: резной буфет, массивный комод, маленький стульчик у печки, круглый обеденный стол. Вся мебель благородного вишнёвого цвета празднично поблёскивает. Только дедушка знает, что такую несусветную роскошь можно сделать из вагонки, густого раствора марганцовки, морилки и лака.

Двор – словно остров со множеством притягательных и загадочных мест: дровяник, углярка, сарай, погреб... Посреди острова – замок с обилием не менее секретных закутков: сени, полати на русской печи, многочисленные кладовки, подпол, духовка... Но самый манящий объект – это, конечно, шкаф-великан.

Грандиозное сооружение высится почти до самого потолка. Брюхо великана набито прекрасными бальными платьями, шёлковыми лентами и воздушными, прозрачными пелеринами. В многочисленных ртах его – полках и ящиках – спрятаны настоящие драгоценности: сумочка феи, усыпанная бисером, броши, цепочки. Есть там разные очки, шляпы, кепки, панамы, даже «взаправдашние» волосы: шиньоны и косы, которые с лёгкостью могут превратить вас в совершенно другого человека.

Внутри гигантского чрева – огромное зеркало, наверняка тоже заколдованное. Я люблю притаиться в тёмном шкафу, дыша смесью духов, нафталина и ещё чего-то таинственного, а рядом со мной в темноте тихонько сидит другая девочка. Она живёт в зеркале и трепетно слушает чудесные сказки, что возникают в моей голове.

– Бабушка, пойдём со мной, я тебе что-то покажу! Залазь со мной в шкаф!

– Нет уж. Давай лучше я тебе что-то интересное покажу. – Бабушка достаёт из нижнего ящика старинный потёртый кожаный ридиколь и вы-

88

кладывает из него пачку пожелтевших фотографий с резными краями. – На вот, посмотри, какая баба твоя молоденькая была.

– Ты и сейчас молоденькая! – Я внимательно разглядываю на старом снимке цвета тёмной сиены хорошенькую кудрявую девушку, точь-в-точь – Золушка из старого фильма. – Бабушка, ты в молодости Золушкой была, что ли?

Бабушка улыбается, но как-то совсем невесело:

– Да, доченька моя золотенькая, весь век в золушках. Как в одиннадцать лет отдали в няньки к чужим людям, так всю жизнь на людей варю, стираю, мою. В детсаде потом нянечкой да поварихой, да мало того, ещё и в ночь дежурства беру. Всех евреев на нашей улице обстирывала. Хорошо хоть люди мне все подряд добрые попадались. Любили, жалели меня, а я их!

Бывалча, бегу на работку в детсад, из дому с собой дрова несую, чтоб просушённые, чтоб печка сразу разгорелась, не задерживать детям завтрак. Спросит: «Кто сёдня на кухне?» – «Нина Прокопевна». – «Ур-ра! Значит, сёдня всё вкусно будет!» А товарки на меня забираются: «Что ж это, у Нины Прокопевны вкусно, а у нас, значит – нет?!»

А вот как-то моё-то всё-таки, видать, вкуснее!

– Бабушка, твоё – самое-самое вкусное! Сделай пельмешков! И котлеток! И картошечки рябенькой!

Дети не кривят душой, бабушкина еда была действительно неповторима! Своими волшебными руками она могла из простой муки, сахара и масла приготовить царский пир: горку тонких кружевных блинов, целый таз хрустящего сладкого хвороста, что надувался сам собой в раскалённой сковороде. Никогда после, за всю свою жизнь, даже в изысканных французских ресторанах я не ела ничего столь бесподобного...

*Если вы не любите меня,
я совершу множество подвигов
и поправлюсь вам наконец!*

Кинофильм «Золушка»

Идём как-то с бабушкой из зелёного «сельпо», так она называла маленький бревенчатый магазин, единственный на весь огромный частный сектор, где торговали всякой всячиной. Я, упитанная шестилетка, выщеголеннная* бабу-

* Выщеголенная (устар.) – разодетая, обстиранная, отутюженная, ухоженная, в чистой новой красивой одежде, холёная.

лей с иголочки. На мне отутюженная юбка в складочку, накрахмаленный вязанный крючком кружевной воротничок – предмет зависти всех подружек.

Навстречу едва ковыляет горбатая старушонка, до того ветхая и морщинистая, что невольно привлекает наше внимание.

Баба Нина сочувственно провожает горемыку взглядом и спрашивает:

– Доча, скажи мне откровенно, станешь ты меня любить, когда я вот такая стану? Совсем старенькая и горбатенькая?

Я торможу посреди дороги: дыхание останавливается, глаза застилают горючие слёзы, только изо всех сил продолжаю до боли сжимать бабушкину ладонь. Наконец меня взрывают безудержные рыдания:

– Не-ет! Ты никогда, никогда не будешь такой! Ты никогда не будешь старенькой! Пообещай мне, пожалста-пжалста, поклянись!!!

– Доча, все стареют... и баба твоя тоже...

– Не-е-ет! – истерика разгорается с новой силой.

Бабушка, ошарашенная и напуганная внезапным рёвом, под моим сумасшедшим напором сдаётся и обещает никогда не стареть. Я ещё долго не могу успокоиться, даже страшно подумать об этой ужасающей метаморфозе, что грозит моей обожаемой, бесценной бабушке-принцессе.

– Охы, баба твоя маленькая сильно кудрявая была. Долматом дразнили, это поп у нас в деревне Долмат шибко кудрявый был.

– Бабуль, почему я на тебя не похожа – совсем не кудрявая?

– Да ты что, доча, твои-то косыньки лучше всех! Я ведь о таких только мечтать могла. Бывалча, намочу-намочу волосы, завяжу косынку, чтоб распрямились. Сниму косынку, а они ещё пуще – вверх шапкой!

Перед сном я иду поцеловать её и снова заливаюсь слезами при одном лишь тревожном воспоминании.

– Ты никогда не будешь старенькая, всегда-всегда будешь красавица! Ты у меня самая-самая прекрасная на свете!

Бабуля гладит меня по голове, зацеловывает мокрые тугие щёки и почему-то тоже плачет.

Бабушка, в отличие от большинства моих знакомых, совершенно не тщеславна, отродясь не жаждала «минуты славы», а неизменно оста-

валась «добрым зрителем в девятом ряду». Вовек не смогу забыть этого взгляда, полного удивления, восхищения и счастья, которым она одаривала меня. Какие бы неумелые самодеятельные выкрутасы я ни предлагала моему доброму зрителю: первые корявые стихи, безумные танцевальные импровизации, беспомощные наброски – на всё это бабуля смотрела, как будто хотела навеки впитать в память, запомнить малейшую интонацию, любое движение. В тот момент я чувствовала себя, точно голливудская звезда во время вручения «Оскара», словно я – само чудо, подарок и наслаждение.

– Бабушка, хочешь, я тебе новый стих прочитаю?

– Давай-давай, доча!

Я встаю в картинную позу посреди кухни, пафосно задираю голову и, нагнетая голосом трагедию, с подростковой горячностью декламирую зарифмованное описание ужасающей картины адского жерла, начиная с безысходного эпиграфа:

*Вошедшие, оставьте упования!
Данте Алигьери*

*Здесь время загустело и застыло –
Трясущийся разбухший желатин.
В один комок, что будет и что было,
На тряпки-лица – выцветший сатин.*

*Картина неизменно монохромна –
Коричневая, скорбная гризайль.
И тени в похоронных балахонах
Не поднимают тёмные глаза.*

*Здесь говорят не часто и не громко,
Ни встречаю, ни друзьям никто не рад.
Но всё же лимб* – ведь это только кромка,
Ведь самый первый круг – ещё не ад?*

*Без солнца, без желаний, без надежды,
Необъяснимой вечностью больны,
Заложники, мы здесь застряли между –
Меж тем и этим полюсом войны.*

* Лимб (лат. *limbus* – рубеж, край, предел) – в католицизме место пребывания не попавших в рай душ, не являющееся адом или чистилищем. В нём пребывают души тех, кто не заслужил ада и вечных мук, но не может попасть в рай по независящим от него причинам. Считалось, что в лимбе пребывают души добродетельных людей, умерших до пришествия Иисуса Христа, а также души некрещёных младенцев. В «Божественной комедии» Данте лимб – это первый круг ада, где вместе с некрещёными младенцами пребывают добродетельные нехристиане – философы и поэты античности, а также герои языческого мира.

*Надёжный тыл ничем не содроем,
И со смолой котёл не подожжён,
Трёхглавый Цербер не пугает лаем,
Как тех, кто плачет ниже этажом.*

*Терзающие страхи бесполезны –
Мы удержались, что ни говори,
На самом краешке опасной бездны,
Что молча дышит, где-то там – внутри...*

Бабушка радостно хлопает в ладоши и продолжает любоваться мной с обожанием.

С полминуты наслаждаюсь произведённым ошеломляющим эффектом, затем строго спрашиваю:

– Баб, а ты поняла вообще, про что стих?

– Конечно поняла, чего ж тут непонятного, баба твоя, чай, не дурочка совсем.

– Ну, и про что? А?!

– Да... это... – в бабушкиных глазах мечется испуг, – а... ПРО ПОЖАРНИКОВ!!!

Видя, как меня подломило от безудержного хохота, она некоторое время не решается, но потом осторожно спрашивает:

– А что? Нет?

– Да! Да! Бабушка, правильно! Именно про пожарников!!!

Старушка, радостно всплеснув руками, присоединяется к веселью, не распознав моего лукавого ёрничества. Наивная, любимая баба Ни-на... Как удалось ей остаться такой доверчивой и доброй ко всему миру?..

*Связи связями, но надо же и совесть иметь!
Кинофильм «Золушка»*

За всю нашу долгую совместную жизнь не слышала я от бабушки ни одного бранного слова. В молодости она много читала – запоем. С четырьмя классами образования была культурнее многих наших распиаренных «звёзд». Но, как часто бывает, от скверного настроения и дефектов характера страдают наши самые близкие, родные люди, которые всё равно простят и не оставят нас. Так страдала порой от меня моя смиренница.

Когда я приходила, отработав две смены в школе, с истощённой, словно вынутый из стакана чайный пакетик, нервной системой, то на разговоры сил у меня просто не оставалось. А бабуля весь день ждёт меня, что-то вкусненькое сварганит, наскучается в одиночестве и хочет поделиться своими маленькими новостями, что

казались глупостями, не стоящими внимания и только раздражали.

– Ба-аб, отстань, а?! Оставь меня в покое! Иди вон чисть свою картошку!

Бабушка только часто моргает в ответ и молча уходит в «свою ателье», иногда лишь заметит мимоходом, с затаённой болью пряча глаза:

– Что ж ты, доча, со мной, как мачеха с Золушкой, разговариваешь?

Частенько бабуля говорила на каком-то странном языке, который казался смешным и немного коробил: не хватало ещё, чтобы она при посторонних людях ляпнула что-нибудь из своего старорежимного репертуара! Например, однажды, вспоминая молодость, бабушка заметила:

– Да я ещё тудыличи в могу́те была...

– Баб, ты сейчас на каком языке разговариваешь?

– Как на каком? На нашем – на сибирском.

– Эт чё, уже сибирский язык изобрели?

– Ну не знаю, у нас в Воскресенке все так говорили.

– Ну ты хоть переведи с китайского, чего это значит-то вообще, тудыличи-могутыличи твои?

– Ой, да что ж тут непонятного? Эт, знать, тогда было – да-авно, когда я ещё молоденькая была, в силе, всё могла.

Откуда же мне было знать, что так дороги станут моему сердцу эти устаревшие выражения, которых я стеснялась в бесшабашном отрочестве! Теперь понимаю, что нужно было ходить за бабулей по пятам и записывать её неповторимые перлы. Почему-то лишь после горьких потерь осознаём, что вместе с бабушками, дедушками уходит из нашей жизни что-то очень важное – особинка, эхо прежних поколений. Ведь, оказывается, заметнее всего именно в языке проявляется дух Родины.

Только лишь для того, чтобы задержать этот неминуемый исход предков в небытие, ради той фразы, что через бабушку пришла из прошлых веков, написала я это маленькое стихотворение. Написала, когда бабушки уже не стало. Написала для того, чтобы будущие, такие же дерзкие и юные, знали, что так когда-то говорили пращурь.

Говорила бабушка, старость праздная:

«Я ещё тудыличи в могу́те была!».

Трудовые, праздные, будни разные,

Чередой праздников кабала.

*И недавно вроде бы было детство,
Близко-близко лужи, земля, трава.
Быстро-быстро бьётся комочек сердца...
Жизнь уже случилась,
сбылась,
была...*

В те стародавние времена моей ранней юности, когда люди ещё не знали мобильных и позвонить из частного сектора можно было только из убитой телефонной будки, приключилось со мной дикое на первый взгляд происшествие. Помню, я тщетно пыталась добиться ответа от капризного общественного аппарата. Проветриваемую со всех сторон кабинку, словно волки ягнёнка, окружили осипухинские* гопники, сплошь в синих тюремных портахках.

*Какое сказочное свинство!
Кинофильм «Золушка»*

Один из стаи, наверное, самый отороженный, просунул в разбитое окошечко пистолет и под глумливое ржание подельников приставил дуло к моему виску:

– Ну чё, мамзель, пройдёмте с нами.

Я настоящей пистолет видела первый раз в жизни, да и такой зоопарк – тоже. Оттого впала в ступор и лишь с ужасом и удивлением всматривалась в пустые глаза и щербатый чёрный рот, который цедил какие-то гадкие чужие слова. «Стукнуть тварь по лбу трубкой изо всех сил? Да ведь за спиной ещё четверо, вдруг у них ножи?» – оттаивали в голове странные, посторонние мысли, а того, что пистолет может вообще-то выстрелить, я даже представить не могла. Это уж совсем театрально. Пауза затягивалась, грозя взорваться чем-то невообразимым...

Вдруг все как по команде обернулись. Через дорогу быстрым, решительным шагом приближалась бабушка с топором в руках. Она что-то кричала, угрожающе потрясывая орудием, но я не могла ничего разобрать. Не сговариваясь, свора как бы нехотя отлепилась от добычи и медленно поплыла прочь, стараясь изо всех сил не выказывать страха, удерживаясь от испуганной спешки и держа фасон типа «да не очень-то и хотелось связываться с вами – козявками».

И всё-таки они испугались. На меня неожиданно напал смех, свирепая банда дрогнула перед моей маленькой, хрупкой бабушкой-снежинкой с круглым детским личиком, васильковыми

* Осипуха – один из частных районов Барнаула.

глазами и белыми кудряшками. Да как она только этот тяжёлый колуn вообще подняла?

– Баб, а ты что? Вот так и зарубила бы?

– А то! На смерть так на смерть! Не в нашей породе всяких проходимцев терпеть! Мы ж Громы – гордые! (Громова – девичья фамилия бабушкиной матери – Феодосии Тимофеевны, родом из знатной купеческой семьи, торговавшей зерном с Америкой.)

*Почему мне до сих пор не доложили,
что ты уже вырос?*

Кинофильм «Золушка»

Детство моё растянулось до сорока лет, пока жива была бабушка. Все, что было у неё: все силы, все накопления, всю любовь – она бескорыстно дарила мне.

– На, доченька, ты ж умнее распорядишься... – Бабушка протягивает мне всю без остатка пенсию, зная, как тяжко я бьюсь в безденежье и одиночестве с «трудным», больным, сыном на учительские гроши.

– Бабуль, оставь хоть заначку на чёрный день.

– А сейчас что, не чёрный, што ли? Да в войну лучше жили! Дедынька твой, покойничек, уж такой рукодельник был. Всё умел! И дом поднять, и огород сдобрить. Вся техника в руках пела! Жили и знали, что от всех напастей мы за каменной стеной спрятаны. Придумал во время войны инструмент делать. Вилы, лопаты – наразохват. Бывалча, дадут ему молоко на работе за вредность, а он бежит из депо, бутылочку в запазухе греет, чтоб нам тёпленьким принести. За всю жизнь ни разу его пьяным не видела. Нету сейчас таких людей! Беззащитные мы с тобой. Нету мужуков-то. Проживём, стал-быть, без всяких заначков. Схороните уж меня, поди, когда? Закопаете уж как-нибудь, чай, не оставите так-то лежать?..

Репетиций смерти было несколько! Это были страшные припадки с конвульсиями, пеной изо рта и потерей сознания, и каждый раз я была уверена, что это конец! Самое страшное – неожиданность, ведь никто, да и сама бабушка не могла, наверное, предположить, что такое возможно: «Что ж это я – эпилепсик, что ли?!». Особенно врезался в память первый «случай».

На каникулах, учась в художественном училище, я подрабатывала в магазине «Диета» фасовщицей, чтобы как-то свести концы с концами. Работа адская, руки под конец дня просто отла-

мывались. Зная, как я устаю на работе, бабушка решила сделать мне очередной «подарок». Зайдя в наш домик, я просто ахнула: кухня и зал свежепобелены, всё вокруг чисто вымыто, все вещи уже на своих местах, а на столе благоухает букетище душистой сирени.

– Бабушка, да что ж ты наделала? Зачем же ты одна белила?! Как же ты одна мебель-то двигала. С ума, что ли, ты сошла?!

– Не ругайся, доча, торопилась, чтоб к твоему приходу успеть. Вот успела. Смотри, какая красота, как в церкви! Только вот чё-та голова сильно разболелась...

Мы присели вместе на диванчик, вдыхая аромат свежести и сирени. И вдруг моя родная, всем сердцем любимая бабуля стала превращаться в кого-то другого и очень страшного. Лицо её перекосило, тело задёргалось в судорогах, а знакомые с детства глаза затянула белёсая пелена, они стали невидящими и чужими. Бабушка упала на пол, стукнулась головой, словно это была не голова живого человека, а какое-то чугунное ядро. Я начала её трясти, громко звать. Особенно ужасал высунутый, прикушенный до крови язык.

В следующий момент я осознала себя захлёбывающейся и орущей в телефонную трубку: «Она умирает!!! Помогите!!!» Господь смилостивился и оставил моего ангела в живых на тот раз. К величайшему удивлению, и общественный телефон был в исправности, и орала я, видать, как буйнопомешанная, так что скорая примчалась моментально, да не простая, а реанимация. Видимо, намереваясь в первую очередь госпитализировать обезумевшую меня! В жуткой психозной горячке, оставшись в тягучем одиночестве, я могла засыпать, лишь обняв её подушку, вдыхая родной запах.

Потом меня вызвал врач, пожилой, внушающий доверие. Сказал, что у бабушки инсульт, уже второй, но при неустанном и внимательном уходе есть шанс выздоровления. Бабушка вернулась в родные пенаты с тяжёлым языком и омертвевшей правой стороной тела. Но я была рада, ведь это было настоящее чудо, день и ночь молилась, чтобы бабушка осталась жива, без неё не видела жизни для себя.

С того времени я стала посещать храм. Благодарила Господа своими словами, как могла, за то, что дал мне возможность ещё какое-то время пожить рядом с моим земным ангелом-хранителем, ставила свечи за здоровье, зная, что каждый раз после этого состояние бабушки значительно

улучшится. Она так сильно хотела жить, именно для меня, чтобы вынуждать моего ребёнка, помочь мне встать на ноги, что безо всяких реабилитаций, массажей и дорогостоящего лечения отошла самостоятельно.

Только страх, леденящий, подлый страх за её жизнь не отпускал уже больше. Часто ночью, умирая в тихой, затаённой панике, я на цыпочках подходила к бабушкиной кровати и, пытаюсь унять гулко колотящееся сердце, прислушивалась к дыханию. Дышит или нет? А вдруг нет?!

Добрые люди, где же вы?!
Добрые, а, добрые люди!
Кинофильм «Золушка»

Но всё же этот трагический и всегда неожиданный момент, которого я с содроганием и холодящим душу ужасом боялась с самого раннего детства, настал. В полном сознании почти в девяносто лет бабушка умерла. Она до конца послушно пила все прописанные таблетки и, поддавшись на мои уговоры, старательно глотала творожок даже в самый последний день своей жизни.

Она тихоноcko слегла и угасала лишь для того, чтобы мы ясно поняли – надо ждать худшего и успели подготовиться. Всю эту страшную неделю она спала, редко наведываясь в действительность в полудрёме, словно не совсем очнувшись. Она уже находилась на мосту в другую реальность. Я понимала это и оттого ещё больше старалась отрицать очевидное, убеждая себя, что бабушка ещё встанет и будет прежней, как возрождалась она не единожды, выплывая из болот, как ясное солнышко из крокодиловой пасти.

Но когда я стала переворачивать её, дабы избежать пролежней, то вдруг увидела, что её пятка стала совсем мягкой, словно лишённая косточки, размякшая на солнцепёке жёлтая слива. Только тогда я поняла – всё, на такие мягкие ноги уже никто никогда встать не сможет.

Бабушка была крохотная, с тридцать четвёртым размером ноги. Покупала сандалики себе на лето в «Детском мире». Однако переворачивать её стало невыносимо трудно, словно маленькое тельце налилось свинцовой смертью, вот-вот готовый прорваться наружу, в наш маленький мир, чтобы навсегда осиротить его.

Я мыла окно в её «ателье», как называла она свой последний приют – маленькую, узкую комнату. И вдруг, протирая газетой стекло, почувствовала, что лежащей рядом на кровати бабушки больше нет. Сердце сжимала чья-то непобе-

димая ледяная рука. Не слышалось никакого предсмертного хрипа, ни стоны, ни шороха. Просто время остановилось на миг, а затем медленно снова тронулось в путь. Жуткое, невозможное ощущение, что бабушка – не та восковая куколка с заострившимся носиком на кровати, а настоящая бабушка – теперь не в этом теле, а где-то выше – под самым потолком, усиливалось. Я словно хотела отыскать её душу, взглянуть последний раз, попрощаться. Но она теперь могла меня видеть, а я её – нет. Никогда!

«Никогда» – какое беспощадное слово, не допускает никаких вариантов. Я плакала от жалости к себе любимой: это я осталась здесь одна – наедине с равнодушной и суровой жизнью. Стала судорожно нащупывать пульс, приставлять к голубым губам круглое зеркальце, не верила и не могла понять, есть ли дыхание... или...

– Алло, скорая? Я не могу понять, жив человек или нет? Помогите, пожалуйста, приезжайте!

Но первым, не успела я ещё положить телефонную трубку, явился пронырливый, заученно скорбный похоронный агент. Странно, но всем своим видом он являл уверенность и руководство к конкретным действиям: получение справки, гроб, реквизит, копка могилы, временный памятник, поминки... И я успокоилась, точнее затаилась на время, уже точно зная, что никогда не будет мне покойно... пока не встречу её снова...

Она ушла серым пасмурным днём, в октябре, когда жить уже не хочется, ожидание жестокостей зимы отравляет существование. Она ушла, пока не застыла земля, чтоб не пришлось бить ломом мёрзлую землю. Мы прощались, моросил мелкий дождь, тактично скрывая слёзы на лицах больших и сильных мужчин, которые не привыкли выказывать слабости. Кто-то сверху, милосердный и деликатный, помогал нам пережить утрату, не позволяя сердцам разрываться. Забота ты моя ненаглядная! Нежная моя, самоотверженная, бесхитростная Любовь!

*Очень вредно не ездить на бал,
когда ты этого заслуживаешь.*
Кинофильм «Золушка»

Не знаю, почему, по какой именно причине, но стихов я после её ухода не пишу. Нет больше в сердце поэзии. Закончилась. А может, оно и к лучшему. Наблюдая в течение многотрудной литературной практики два столь различных лагеря поэтов и прозаиков, невольно склоняюсь к мысли окончательно примкнуть ко вторым. Вечно бед-

ные, с истерзанным сердцем, бедолаги-поэты, неприкаянные, непризнанные, в большинстве своём одинокие, а если речь идёт о мужчинах, то ещё плюс ко всему как минимум хронический алкоголизм. Случаются, конечно, исключения...

Другое дело – обласканные премиями, начальством и читательским интересом прозаики, сытые, холёные, «неизработанные», как говорила бабушка, то есть люди солидные и твёрдо стоящие на ногах. Есть, по правде сказать, редкие счастливчики, избранные фортуной, – детские писатели. Этим положено по жизни быть радостными, не то что страдальцам лирикам, пишушим кровью собственного сердца или вскрывающим язвы общества публицистам. Детские книги остались востребованными даже в наше виртуальное, отрицающее литературу время. «Скоро будет так, – горячится один коллега по писательскому цеху: – «Ты кто? Писатель?» – И сразу н-на тебе в морду за это!»

Слава Богу, теперь могу позволить себе писать стихи лишь тогда, когда невозможно не писать. За последние годы случилось такое со мной только однажды...

Наше мудрое телевизионное начальство крутит каждый праздник один и тот же набор правильных, позитивных киношек. В праздничный набор входит и старый фильм «Золушка», 1947 года, по сценарию незабвенного Евгения Шварца, с Яниной Жеймо в главной роли. По понятным причинам это бессмертное творение режиссёрского дуэта Надежды Кошеверовой и Михаила Шапиро я себе смотреть запретила раз и навсегда. Главным образом потому, что после первого же куплета немудрёной песенки героини («...целый день тружусь, тружусь, с печкой я вожусь, вожусь...») заливаюсь горячими слезами и выпадаю в беспросветное уныние.

Под Новый год, дело было вечером 31 декабря, по Первому каналу стали вновь транслировать старую наивную ленту, с которой никакие современные интерпретации с гламурными дивами, неумело смахивающими воображаемую пыль, никак не могут соперничать. По инерции, намереваясь переключить телевизор на другую программу, я с удивлением увидела, что чёрно-белый фильм раскрасили. Решив оценить с чисто профессиональной точки зрения, как это получилось у современных мастеров, конечно, увлеклась и досмотрела фильм до конца. Всю новогоднюю ночь я проплакала, но зато под утро написала стихотворение.

*В нашем доме тепло и покойно,
Здесь по-прежнему только свои:
Тот же чайник, часы, рукомойник,
Что по каплям отсчитывал дни.*

*А в солидном вишнёвом комодё,
Под покровом линялых платков,
По забытой изысканной моде
Кипой вышитых воротников –*

*Пара туфель совсем не хрустальных.
Только детский какой-то размер.
Так ни разу и не станцевали
На изящный старинный манер.*

*Где ж они, эти добрые люди?
Унесла их Забвенья река,
Но, как прежде, их Золушка любит
И крахмалит для них облака.*

*Я тебе приготовила ужин,
Ожиданьем наполнив бокал.
Если кто-то особенно нужен –
Очень вредно не ездить на бал.*

*Золотая умчалась карета,
Поминальная стихла свеча.
Мне же, мачехе, прятаться где-то,
По тебе всё скучать и скучать...*

Да, наступает такой момент, когда уже невозможно обнять, попросить прощения у любимого человека, поэтому остаётся в сердце незаживающая, саднящая рана. Мне повезло, я могу написать покаянное стихотворение, выплеснуть боль на бумагу, помолиться за упокой души...

А ещё: на своих фотографиях я стала замечать необъяснимое присутствие странного пятнышка – маленький искристый пушистик парит теперь над моим правым плечом. «Ясное дело, плазмоид!» – восторженно воскликнут уфологи. «Да нет же, пылинка в объектив попала», – отрезвят реалисты. А мне хочется верить, что это родная Душа рядом со мной, любит меня и оберегает, даже оттуда.

*Так любовь моя белым пушистиком
Между небом и небом – ничья...*